

ПОДМОСКОВНАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

2021-2022 УЧЕБНЫЙ ГОД

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

11 класс

Время на выполнение заданий – 60 минут.

Удачи!

Прочитайте текст и выполните задания к нему.

1. От чьего определения понятия цивилизации автор текста выстраивает свои рассуждения? Приведите это определение.
2. Какая из общепринятых классификаций типов обществ применима в контексте такого определения цивилизации?
3. Приведите три собственных примера «цивилизационных» канонов, не упоминаемых в тексте.
4. Что автор подразумевает под римской церковью? В чем автор видит её отличие от прочих христианских церквей?
5. С каким событием XVI века, помимо развития массового книгопечатания, связано то, что жители Западной Европы наконец «догнали армян, славян и других христиан в деле сакрализации национальных языков»?
6. Приведите пример государства, общество которого организовано вокруг культа легально-политического (-их) документа (-ов). Назовите эти документы.
7. Какие события повлияли на «размывание» общезападной политической риторики? Приведите авторскую позицию.
8. С каким философским направлением в первую очередь связывают понятие деконструкции? Кто из известных Вам философов, является представителем указанного направления? Укажите не менее двух представителей. К какому идеологическому течению относят стремление деконструировать деление человечества на мужчин и женщин?
9. Какие страны автор называет идеологическими оппонентами Запада? В чем он видит разницу между этими странами и Западом?
10. Почему глобализация, по мнению автора, «глубоко провинциальна»?

Когда я в 1983 году поступил в аспирантуру Техасского университета, единственным обязательным курсом на историческом факультете была история западной цивилизации. Так было практически во всех американских университетах. На моей первой после аспирантуры работе я читал два лекционных курса по истории западной цивилизации каждый семестр, сотням студентов. Стэндфордские студенты тогда уже скандировали: *Heu, Heu, No, No, Western Civ Has Got To Go*, в каких-то журналах начали появляться статьи о том, что западную цивилизацию придумали в начале XX века в Одессе на Малой Арнаутской улице, но альтернативы не было: западная цивилизация считалась фундаментом гражданского воспитания и культурной идентичности.

Прошло тридцать пять лет. От курсов этих ничего не осталось, а словосочетание «западная цивилизация» исчезло из академической жизни и политической риторики. Уильям Макнил, автор замечательной и ныне почти забытой книги «Восхождение Запада», опубликованной в 1963 году, определил цивилизацию как «крупнейшее сообщество, объединенное общим литературным канонам и представлениями о человеческом поведении, сформированными этим канонам». Если в качестве эксперимента применить это определение к списку основных мировых цивилизаций, составленному Самюэлем Хантингтоном, то получится следующая картина. Китайская, японская, индийская и исламская — бесспорно цивилизации, африканская и латиноамериканская — бесспорно не цивилизации, православная — не вполне цивилизация, а западная цивилизация осталась в прошлом. Современный Запад — самый мощный союз в истории человечества, но общего литературного канона у него больше нет. Революция, которая началась четыреста лет назад, кажется, подходит к концу.

С появлением письменности некоторые тексты становятся каноническими, фундаментальными или «священными» в значении абсолютной истинности. Среди них мы видим в первую очередь записи избранных мест из устного репертуара (жреческие наставления, сценарии ритуалов, мифы происхождения, песни и связанные с ними эпические, лирические и драматические традиции). Другая категория — священные, или «классические», тексты, связанные с именами учителей и пророков, отвергнувших или реформировавших царящую ортодоксию: Конфуция, Будды, Сократа, Иисуса, Мухаммеда и др. Самые крупные и продуктивные каноны, в том числе те, которые Макнил называет «цивилизационными», сочетают в одном пакете большое разнообразие жанров и значительно отличаются друг от друга по содержанию, объему, специфике чтения и т. д.

Христианство, как известно, выросло из иудейского канона. Западная его часть рано выделилась в особый мир. Римская церковь, в отличие от коптской, эфиопской,

сирийской, грузинской, армянской и различных славянских церквей, которые проповедовали христианство в переводах на местные языки, утвердила латынь в качестве единственного сакрального языка. Это привело к появлению относительно сплоченной наднациональной интеллектуальной элиты и устойчивого канона, сочетавшего христианские тексты с греко-римской классикой, выстроенной вокруг Гомера и Вергилия. В политически раздробленном регионе то обстоятельство, что канон повествовал о чужом прошлом на языке, который не был ни для кого родным и (в отличие от санскрита, арабского и классического китайского) не претендовал на статус священного оригинала, было скорее преимуществом, чем недостатком. Так или иначе, на протяжении тысячи лет христиане латинского обряда читали одни и те же книги или слушали их в различных пересказах — то есть были, согласно Макнилу, цивилизацией, объединенной священными текстами.

Были, а потом перестали быть.

В XVI веке революция в книгопечатании и совместные усилия гуманистов и протестантов подорвали позиции латинской Библии. Благодаря переводам Священного Писания жители Западной Европы наконец догнали армян, славян и других христиан в деле сакрализации национальных языков. Примерно в то же время французский язык начал успешно конкурировать с латынью в сфере высокого искусства: классицисты победили классиков, язык французского короля стал языком французской поэзии, а язык французской поэзии стал «латынью современности».

Но если латынь была нейтральным инструментом, то французский язык давал преимущество одной из европейских стран. Одну из самых радикальных революций в истории западного христианства совершили главные соперники французов, объединившиеся в 1707 году в Королевство Великобритания: изобретение Макферсоном шотландского Гомера стало международной литературной сенсацией, источником вдохновения для гердеровской филологической революции и образцом для бесчисленных подражаний.

Исландские саги, «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф» и прочие подобные тексты были извлечены из библиотек и возведены в ранг национальных сокровищ. «Слово о полку Игореве» было вовремя найдено, некоторые другие рукописи — более или менее искусно подделаны, а бытовавшие устно сказания — записаны и в той или иной форме опубликованы. В Финляндии врач по имени Элиас Лённрот написал «Калевалу», в Эстонии врач по имени Фридрих Крейцвальд написал

«Калевипоэг», а в Латвии офицер русской армии по имени Андрей Пумпур написал «Лачплесис». Все они говорили от лица нации. «Калевала» содержал значительное число переработанных цитат из народных песен, «Калевипоэг» — незначительное, а в «Лачплесисе» их не было вовсе. Все эти тексты, как и многие другие, подобные им, лежат в основании национальных канонов и продолжают генерировать новые версии и интерпретации, став в некотором смысле фольклором.

Но большинство новых и обновленных европейских наций последовали примеру Англии, канонизировав не текст, а писателя Нового времени, величие которого равно величию его творений или значительно превосходит его. Первым современным бардом стал бард первой современной нации: канонизация Шекспира началась с научных изданий его сочинений в 1710-е, проникла в школьное образование в 1720-е, въехала в виде бюста в Вестминстерское аббатство в 1741-м и превратилась в полнокровное бардопоклонство в ходе экстравагантного шекспировского юбилея 1769 года — с речами, декламацией, пушечными салютами, звоном колоколов, открытием памятника и перетягиванием каната между двумя командами шекспировских героев.

Три года спустя во Франции по инициативе Вольтера прошли первые мольеровские торжества. В течение последующих полутора веков у большинства европейских наций появились свои собственные национальные поэты и породившие их (или порожденные ими) «золотые века». Итальянцы и грузины обратились к Средним векам, выбрав Данте и Руставели. Испания, Португалия и Голландия стали нациями эпохи Возрождения и канонизировали имперскую ностальгию, выбрав Сервантеса, Камоэнса и Вондела.

Но большинство стран нашли национального поэта среди ныне живущих или недавно умерших. Гете и Шиллер в Германии, Андерсен в Дании, Бернс в Шотландии, Йонас Хадльгримссон в Исландии, Маха в Чехии, а также Пушкин, Мицкевич, Петефи, Эминеску и Шевченко были коронованы при жизни или вскоре после смерти. Некоторые поэты шли по пути Вергилия и сознательно старались стать Гомерами (или шли по пути Камоэнса и сознательно старались стать Вергилиями). Некоторые переводили с этой целью Гомера, Вергилия, Шекспира и других канонических поэтов. Многим помогла романтическая репутация и ранняя, часто насильственная смерть; все они стали объектами культа до официальной канонизации. Почти во всех случаях официальная канонизация начиналась с открытия памятника и окончательно оформлялась в системе образования.

Поскольку большинство национальных культур основано на культе родной речи, почти все культурные святые — писатели, известные как родоначальники или реформаторы национального языка и литературы.

Франция замечательна тем, что ни один из их кандидатов не одержал решающей победы. Большинство новых канонов были направлены против французской культурной гегемонии, романтизм противопоставлял себя французскому классицизму. Во Франции потребность в доморощенном Гомере не ощущалась столь остро. Отчасти по этой причине французская элита не смогла достичь консенсуса: несмотря на пышные юбилеи и массовые кампании, Рабле так и не стал французским Сервантесом, Мольер — французским Шекспиром, а Гюго — французским Пушкиным. Политическая цена оказалась слишком высокой, а раскол внутри элиты — слишком глубоким. Французская революция еще не кончилась.

А общеевропейская революция национализации — одновременно антифранцузская и антихристианская — к началу XX века в основном завершилась. Бывшие западные христиане перестали читать одни и те же книги. Английский термин *Christendom* («христианский мир») вышел из употребления еще в XVIII веке; на смену ему пришла «Европа» с размытыми восточными границами. У каждой нации был свой пантеон, свой национальный поэт и своя система образования, построенная на национальном каноне. Роль скреп играли национальные писатели основных западноевропейских государств (в первую очередь Шекспир, Данте, Гете и Сервантес) и разрозненные остатки греко-римского канона. Причем скрепы эти, в отличие от христианских, ограничивались подготовкой элит.

В конечном счете рукописные священные тексты аграрных монархий сменились печатными литературными канонами национальных государств. Произошел возврат к племенному язычеству, причем интересно, что, хотя революция эта была преимущественно буржуазной, роман — главный жанр европейской буржуазной культуры — очень слабо представлен в национальных пантеонах. В центре большинства канонов находятся формы, пришедшие из устной культуры: драма, эпос и лирическая поэзия.

Западная элита распалась на неравные единицы. Словенцы построили свою национальную культуру на культе поэта Прешерна, но мало кто за пределами Словении когда-либо о нем слышал. С другой стороны, самый главный раскол христианской Европы наконец был преодолен. Культы Шевченко и Эминеску структурно и функционально

аналогичны культам Сервантеса и Шекспира. Памятники Пушкину в Москве и Камюэнсу в Лиссабоне были открыты одновременно, в июне 1880 года. И в той, и в другой церемонии участвовали тысячи правоверных читателей. И тот, и другой поэт универсален, потому что национален. И тот, и другой создал национальный литературный язык и выстроил вокруг себя национальный «золотой век». И того, и другого читают — и почитают — в школе и дома.

Впрочем, у Пушкина есть одна особенность. Прешерна не знают за пределами Словении, поскольку о ней за ее пределами вообще мало что известно. Что касается крупных и способных к национальной экспансии культурных сообществ, то они обычно успешно продвигают своих героев, будь то Шекспир или Гете. Постхристианский литературный канон (там, где он еще существует) в основном состоит из сыновей великих держав, и Россия в нем хорошо представлена — но не Пушкиным. Это делает нашу любовь к Пушкину еще более страстной и интимной: мы его понимаем, а иностранцы — нет.

<...>

В сегодняшнем мире культурные сообщества, располагающие сакральными письменными традициями, можно разделить на три основные категории. Первая — национальные государства со своими литературными канонами, национальными эпосами и поэтами. Вторая — сообщества, объединенные священными писаниями, которые так или иначе связаны с фигурами пророков, учителей, сказителей и законодателей. Какие-то из этих традиций (в т. ч. китайская, индийская, иудейская, буддистская, христианская и исламская) подпадают под макниловское определение цивилизации, какие-то, по причине их малого размера, не подпадают. Какие-то принято называть религиями, какие-то нет. К текстам, объединяющим такие сообщества, можно отнести собрания сочинений Маркса и Энгельса, которые в XX веке конкурировали с пророческими и национальными канонами. Тексты, приписываемые харизматичным правителям XX века, в том числе «Краткий курс истории ВКП(б)» Сталина, «Маленькая красная книжица» Мао, «Зеленая книга» Каддафи и «Рухнама» первого президента Туркмении Ниязова, функционировали как священные писания, но не пережили своих авторов. Наконец, третья категория — общества, организованные вокруг культа легально-политических документов.

<...>

Американские университеты отказались от христианско-классического канона примерно в одно время с европейцами. Но, вместо того чтобы заменить его литературным

пантеоном (нетрудно представить себе Лонгфелло в роли Пушкина, а Марка Твена и Мелвилла в роли Толстого и Достоевского), они учредили курсы по истории западной цивилизации, понимаемой как предыстория американского либерализма. Списки рекомендованной литературы включали в себя Библию короля Якова, отдельные греческие и римские тексты в переводе, классиков европейской философии начиная с Платона и избранные места из крупнейших европейских литературных пантеонов. В подавляющем большинстве таких списков американской литературы не было. В отсутствие формализованного национального канона в школах большее место, чем в Европе, занимала латынь, а в домах — Библия.

После Второй мировой войны США встали во главе так называемого свободного мира, сильно расширившего бывший христианский мир и западную цивилизацию, но организованного по-прежнему вокруг «атлантического» ядра. Под влиянием американской модели часть западноевропейских элит начала двигаться в сторону общезападной политической риторики, но после культурной революции и деколонизации 1960-х годов и победы романтического антилиберального мультикультурализма в 1980–1990-е годы и она начала размываться. На смену «свободному миру» пришла универсальная идеология прав человека, то есть идея распространения американского (изначально протестантского) либерализма на все человечество. Роль сакрального текста стала играть Всеобщая декларация прав человека и другие морально-юридические документы.

Однако вскоре ситуация снова изменилась. Сегодняшний Запад, с одной стороны, называет себя международным сообществом, соразмерным всему человечеству, а с другой — представляет собой военно-экономический союз, направленный против тех, кто (по малопонятным причинам) выступает против него. Союз этот, что очень важно, объединяет под одной крышей два чуждых друг другу мира: этнический национализм государств «Новой Европы» (или Восточной), опирающихся на романтические национальные каноны образца XIX века, и космополитизм «Старой Европы», в первую очередь протестантской, а также США и других бывших колоний британских поселенцев, культивирующий этническую солидарность внутренних меньшинств и вновь прибывающих мигрантов в рамках делегитимации собственных исторических сообществ (в том числе национальных пантеонов, сакральных политических текстов и того, что осталось от общезападного литературного канона).

Все это очень похоже на Советский Союз 1920-х годов: коренизация ранее угнетенных народов и денационализация русского ядра империи. «Великодержавный

шовинизм» преодолевался при помощи самодисциплины и пролетаризации; национализм угнетенных — при помощи национального строительства со стороны государства. Но в советском случае эта политика была чисто инструментальной и декларировалась как временная. Уступки национальной форме должны были привести к росту социалистического содержания вплоть до полного отмирания наций и государства при коммунизме.

На Западе сто лет спустя сочетание сакрального национализма окраин и запретного национализма ядра не встроено ни в какую внятную идеологию будущего братства и ограничивается самоочищением и институциональным ограничением носителей унаследованных привилегий. В этом контексте чрезвычайно продуктивной оказалась победившая в Германии идеология национальной вины, построенная на сочетании христианской и фрейдистской исповедальности. Впервые в истории общества ритуально объединяются, не празднуя победы и оплакивая поражения, а любясь на себя в зеркале коллективного раскаяния. И одновременно ритуально разъединяются, отказывая себе в общем прошлом и подразделяя граждан на группы, имеющие и не имеющие права на племенную солидарность. (И одновременно, тоже впервые в истории, деконструируют деление человечества на мужчин и женщин.) Глобализация требует жертв. Вернее, глобализация требует победы коллективного Запада и одновременно создания на месте коллективного Запада автономных, взаимозаменяемых, ничем не связанных индивидов.

Итак, на смену рукописным священным текстам аграрных монархий пришли печатные литературные каноны национальных государств и сакральные легально-политические тексты колоний поселенцев, а те, в свою очередь, сменились артефактами и цифровыми технологиями, не привязанными к определенным ограниченным сообществам. Жители западных метрополий перестали быть «людьми писания», как это называется в Коране. Западная цивилизация перестала быть осмысленным понятием и предметом изучения. Запад есть, а слова нет.

Тем временем идеологические оппоненты Запада — Китай, Иран, Индия, исламский мир — остаются чрезвычайно сплоченными в макниловском смысле цивилизациями, спаянными книгами, которые члены этих сообществ продолжают читать в школе и дома. При этом существенно, что на Западе эти тексты в круг школьного чтения не входят. Глобализация означает включение голосов внутренних меньшинств и иммигрантов, но не образцов других цивилизационных канонных. Ни «Рамаяна», ни «Беседы и суждения» Конфуция, ни Коран, ни «Шахнаме», ни «Сон в красном тереме» в

списки рекомендованной в школах литературы не входят. Глобализация глубоко провинциальна.

Что касается России, то русский литературный канон без труда победил марксизм и по сей день отлично себя чувствует (насколько я могу судить, не живя в России). В соревновании с «Евгением Онегиным» у Маркса и Ленина не было никаких шансов. К началу 1930-х годов советская система образования этот факт признала и больше не оспаривала — не говоря уже о советских читателях начиная с тов. Сталина. В том, что касается литературного канона, Россия больше всего похожа на восточноевропейские этнократии, но есть одно отличие: наш Пушкин лучше всех.

Ю.Л. Слёзкин